

Мы во второй столице

Алексей Герман на планете 38-97

Один съемочный день в конце лета и начале века

Два часа пополудни. Передо мною распахивают («Осторожно, провода под ногами!») створку высоких ворот — в другое время и другой мир. Кругом стены черного камня, под ногами графитно-серая пыль, над головами — тяжелые брусья балок и грубо вырубленные фигуры святых. Сам воздух темен и заряжен страхом. Протискиваюсь мимо придворных, воинов (на лицах — шрамы, на головах — короста, на одежде кровь и грязь) в соседний зал, залитый острым, нервным светом. Здесь еще тесней и многолюдней. В самой гуще, среди ламп, проводов, стальных кольчуг и бархатных колетов стоит фигурка в джинсах и майке. Светлана Кармалита, жена постановщика, сценарист всей окологермановской жизни и его фильмов, «отслеживает» ход вещей. Меня, чтоб не путалась под ногами, усаживают на громадную кровать короля, на шкуры и парчу. Напротив, возле горящего очага стоит «сам»: на «Ленфильме», в специально построенных павильонах Герман снимает картину «Трудно быть богом».

С кровати видно всю площадку. В дальнем углу — тощая корова со скорбным профилировкой «лицом», слева — принц с кормилицей, справа — оператор Владимир Ильин в синей кепке с камерой, диагональ рельсов пересекает королевскую спальню. Король с растерянным, бабыным лицом, в ночной рубашке, испятнанной кровью, в нелепом чепчике, совсем рядом. В этой сцене он вначале измеряет ремешком раздутую голову больного наследника, потом выкалывает глаз и убивает дубиной одного из придворных...

— Всех прошу играть легко, с губы, лицом ничего не изображать! — Герман ставит мизансцену. — Вход Руматы в очевичально надо снимать через палочки барабана. Грумеры, что-то сделайте с лицом барабанщика — может, шрам на носу! И вот вы, да-да, вы! Вы — хороший актер и не смейте в кадре гримасничать! Лена, теперь с тобой...

Трудно поверить, но с артиста — исполнителя главной роли — сошла, казалось бы, навеки приставшая к нему маска глуповатой растерянности. Его узкое лицо похоже на портрет кисти Веласкеса и значительно.

— ...Ты просто входишь за барабанщиком. Тебя знобит, передергивает с перепоею. Кормилица хочет тебя, кладет тебе руку между ног — снова дергаешься. Королевский чулок держишь в правой руке... Это не сцена — только подход к сцене. Впереди у тебя поединок с дон-Рейбой...

...Глаз цепляет детали: наголо бритая голова кормилицы, вздыбленный фаллос в изножье кровати, блюдо вареных яиц перед королем, мейерхольдовский профиль долговязого придворного поэта (Петр Меркурьев и впрямь потомок Всеволода Эмильевича), грубая кожа костюмов, острый взгляд оператора и блуждающий, словно бы рассеянный — Германа...

...Три часа дня. Репетиция повторяется. Король взмок, Румата поскуцнел. Наконец, из «спальни» режиссер переходит в «тронный зал».

— Чего мне по-настоящему хочется, так это обратиться отсюда к чертовой матери! — Герман тяжело плюхается на скамейку перед монитором. Перед ним на экране — видеоповтор снимающейся сцены.

— Не то, не то! Мы должны снимать «субъективной камерой» — почти все, что увидит зритель, он увидит глазами Руматы... Еще раз!

Рассеянный взгляд Германа стереоскопичен и замечает все. Он всегда стремится к абсолюту. Жизнь планеты, куда отправлены зе-

мляне, чтоб гуманизировать общество, вещественно чудовищна. Сквозь ее во всех подробностях продуманную конкретность проступает универсальность притчи.

...Половина четвертого. Перерыв. Распахиваются ворота съемочного ангара, артисты высыпают на студийный двор. Кармалита сзывает голодных: «Ребята, айда по улице!» Кладая тяжелыми шпорами, люди четырнадцатого века устремляются в кафе «Дворик», что неподалеку, на Каменноостровском. Герман поднимается к себе в маленькую комнатушку с табличкой «Трудно быть богом», второй режиссер Феликс Эскин вытряхивает ему и себе в чашки горячую овсянку из термоса. Через полчаса в дверях возникает Кармалита с неизменной корзиной, в которой все что нужно «для души» — бумаги, документы, лекарства, деньги, телефон...

— Я вас умоляю: выйдите все, а котик останется. Лешенька, где подушка? Мы тебя запрем и уйдем!

— Да его вообще давно пора запереть! — присутствующие вываливаются в коридор.

...Пять часов. Во дворе студии на сене мертво спят стражники, в сквере курят придворные, неистово мычит корова по имени Фаня, лают пекинесы в клетке, благородный дон Румата звонит по мобильнику. Чужие «Мерседесы» аккуратно объезжают происходящее. Пауза, затишье. Герман смотрит отснятый материал.

Но вот он появляется из второго двора, большой, грузный, в подтяжках. Похоже, доволен — иначе б не остановился рассказывать нам анекдот...

— Здравствуй, папа! — из подхваченного автобуса на холу спрыгивает Алексей Герман-младший (запустивший уже второй, по слухам, талантливый фильм), с независимым видом скрывается в коридоре. Алексей Юрьевич, скомкав историю, двигает к ангару.

— Лена, кое-что все ж надо обсудить! — останавливает его Кармалита, и пока артисты вытгиваются в павильон, режиссер и сценарист говорят о свежем материале. Многие можно понять, глядя, как они сидят, сдвинув головы, друг против друга, на

утилых скамейках среди студийного двора.

...Шесть часов. Снимают дубли. Резные двери в спальню короля затворяются, она наполняется едким белесым дымом «от очага». Вновь тяжело бьет барабан, вновь входит Румата, вновь раздается крик смертельно раненного человека, и нелепо выскакивает придворный поэт...

В восемь Герман уходит к себе... Когда будет готов другой вариант сцены, его позвуют. Мы, наконец, начинаем разговаривать.

— У этой картины один минус. Она слишком современна. Я никогда не снимал современное кино.

— А «Хрусталева» не современен, что ли?

— То история России, а этот фильм — будто из газеты. Что бы ни сделал этот человек, реформатор, все кончится кровью. Истребить реакционную армию? — придут кочевники. Истребить кочевников? — придут желтоглазые из Зазеркалья. Ничего он не может — только залить все кровью. Он это понимает и держится, держится... Но вокруг делается все хуже, хуже. И приходит то, рядом с чем безумие, которое он видит, — детский сад. Тогда он берет за меч и начинает рубить. Всех искромсал, все стали его бояться, но — маленькая деталь — он проиграл...

— Но это же история Гамлета, одна из ее многочисленных трактовок...

— Я хотел когда-то поставить «Гамлета». Про то, как люди пытались наладить жизнь после смерти тирана (папая-призрак был этакий Иосиф Виссарионович) и как Гамлет в нее вмешался, ничего в ней не поняв. Всех перерезал, всех погубил — пришел Фортинбрас и вернул то, что было прежде.

Звонит телефон. Герман отдает распоряжения на завтра: «Надо, чтоб приготовили кашки, мочу, лучше всего из пива, и листы лопуха»... По стенам — бесчисленные фотографии: лица, лица, лица — плоть, изуродованная злом, до полного исчезновения души. У Босха похожие существа окружают Иисуса, несущего крест...

— Почему жизнь на этой планете так зверски жестока?

— А какой мы жизнью живем, ну-ка скажи?

Все жрут друг друга, все боятся... Все друг в друга стреляют, все друг друга сажают. Какой на хрен гуманизм! Я пересмотрел свои отношения с Богом. Только что с точки зрения истории закончился Сталин, только что закончился ГУЛАГ. То, что речь о четырнадцатом веке, только концентрирует проблему. Эту планету я назову 38-97 — мой телефон в детстве на Мойке....

Герман давно уже существует отдельно от собратьев, почти в вакууме. Справа и слева от его студийного кабинета — комнаты, отданные сериалу «Золотая пуля». Ему не изменяет — возможно, благодаря знаменитому тяжелому нраву — мужество оставаться самим собой. Недавно на церемонии вручения президентской премии он, не боясь показаться неуместным, решил вне регламента и против правил не «кланяться и благодарить» с высокой трибуны, а заступиться за обиженного товарища — не кинематографиста, представителя фермерского движения. Президент, похоже, его не понял.

— Понимаешь, я специалист по глазам. Читаю по глазам — так я тридцать пять лет работаю с артистами. В глазах президента, я увидел, что-то метнулось. Он не поверил мне, так я думаю. Подобные выступления, мне потом объяснили, стоят кучу денег. Я расстроился. Должно ж в стране существовать такое понятие, как репутация. Я имею в виду свою собственную — она у меня, считаю, какая-никакая, а есть...

Вечер, половина девятого. Звонит телефон, Германа просят на площадку. Фильм по культовой, как любят нынче выражаться, книге Стругацких снят на треть. Крупнейший реформатор кино, для которого вопрос «как нам жить?» — по-прежнему главный, медленно сходит по лестнице. Из своих неотвязных страхов кадр за кадром он конструирует злободневный и вневременной страшный мир этой картины, чтобы снова — в который раз — подвергнуть жесткому облучению искусства бедное человечество, не умеющее меняться.

Марина ТОКАРЕВА

